

тяжении веков Карелия являлась пространством, где геополитические соображения России, Финляндии, Швеции зачастую преобладали над экологическими проблемами. В статье исследуется роль природного ландшафта в попытках, предпринимавшихся местной администрацией, контролировать трансграничные передвижения населения и перевозку товаров в данном регионе на протяжении XVIII — начала XX веков, а также объяснено участие местных сообществ в «использовании» границы в соответствии с их потребностями. Также проанализированы изменения и преемственность в пограничном контроле на территории российской Карелии, вызванные распадом Российской империи и созданием Советского Союза.

Существующие исследования посвящены дипломатическим тонкостям демаркации границ [20; 24], пограничным контактам и трансграничным миграциям населения и товарообмена [33; 38; 24], а также эволюции концептуализации границы раннего нового времени между Россией и Швецией [41: 66—71; 44: 31—55; 40: 177—190]. Местные исследователи внесли значительный вклад в изучение становления экономического пограничного контроля в Карелии как дореволюционного, [22; 20; 36; 37], так и раннего советского периода [30; 31; 25].

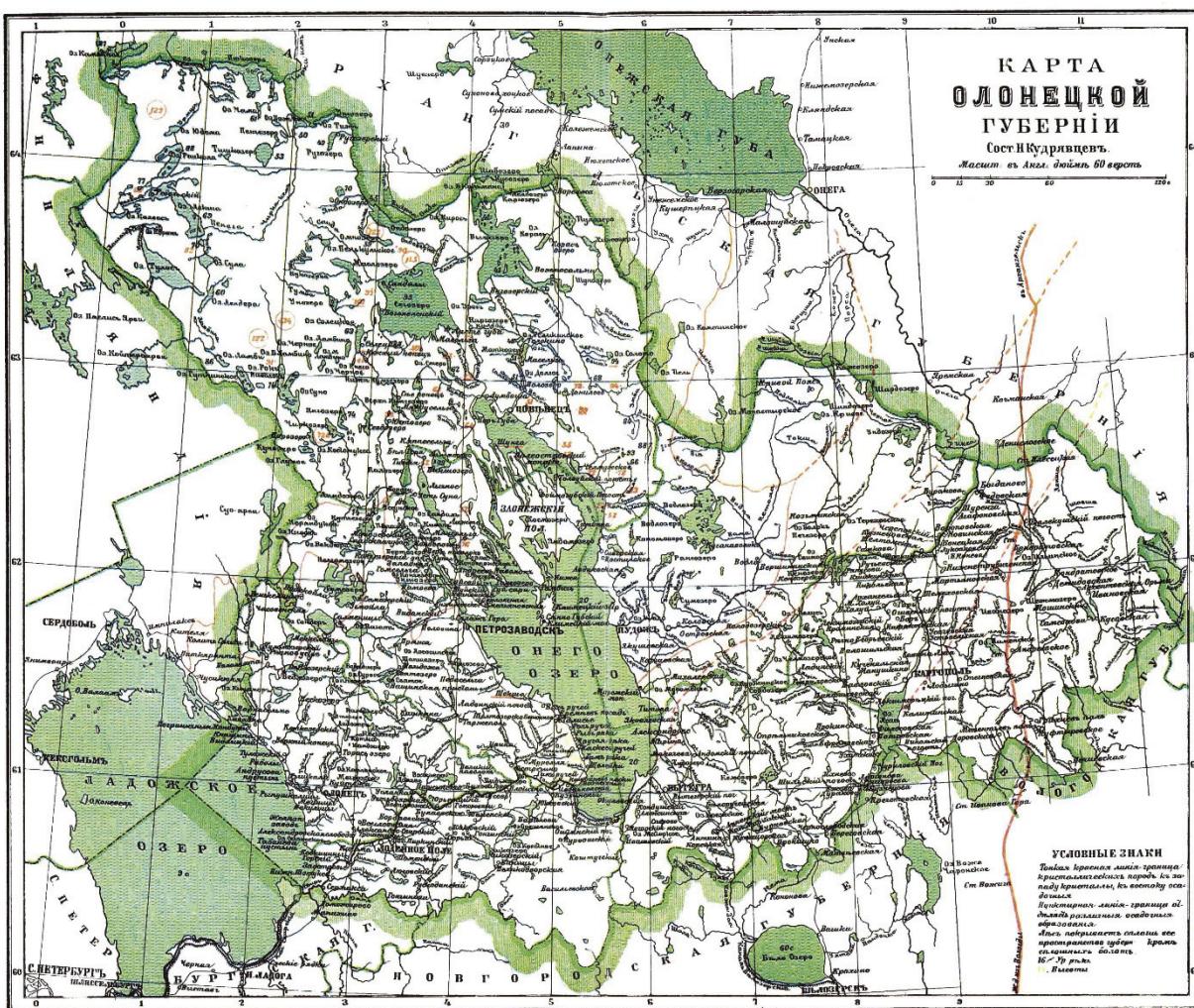
Граница в раннее новое время: разрыв в контактном пространстве?

Первая официальная граница между Россией и Швецией была демаркирована в результате Ореховецкого (Нотеборгского) мирного договора в 1323 г. Она разделила этнических карелов на, с одной стороны, западных, которые составляют региональную и культурную подгруппу этнических финнов, и, с другой стороны, восточных, проживающих в настоящее время в Республике Карелия и Тверской области. На протяжении веков неточности в демаркации границы служили предлогом как для российских, так и для шведских территориальных претензий, сопровождались нарушениями границы и вызывали межгосударственные конфликты, чередовавшиеся с периодами миров и перемирий [38; 41].

Демаркация русско-шведской границы по Столбовскому договору (1617 г.) была проведена с учётом налогового обложения: поселения, обитатели которых платили налоги в Корелу/Кексгольм, отходили к Швеции, в то время как жители, подчинённые в налоговом отношении администрации Олонецкого края, оставались в составе России. В результате корректировок, последовавших за этим договором, возникла довольно протяжённая «пограничная линия» — первая граница в современном понимании, сопровождавшаяся вырубкой лесов по всей её линии в начале 1620-х гг.: от точки, в которой она выходила из Финского залива, до конечного пункта на берегу Ладожского озера на широте финляндской провинции Северной Карелии. Физическое обслуживание: проверка маршрута и удаление деревьев, росших на просеке, осуществлялись по обе стороны границы под наблюдением шведских и российских пограничных комиссаров [41: 68].

Границы, определённые по договорам 1809 и 1917 гг., несмотря на разницу в их статусе, фактически дублировали пограничную черту, проведённую в 1617 г. Более того, по Ништадскому мирному договору между Россией и Швецией, заключённому в 1721 г., сама линия государственной границы на территории российской Карелии была ещё более спрятана. При этом ею оказались разделены не только территории церковных приходов, но даже деревни [41: 69].

Таким образом, официальная русско-шведская граница ратифицировалась в договорах и до определённого времени в религиозных обрядах, будучи отмеченной рядом пограничных маркеров. Тем не менее, на протяжении веков она оставалась едва обозначенной в ландшафте. Более того, граница позволяла свободное, не подлежащее контролю перемещение людей и товаров в обоих направлениях [41: 67; 40: 188]. Большинство маркеров состояли из природ-

Карта Олонецкой губернии. Иллюстрация из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрон (1890—1907)

ных объектов, слабо выделявшихся в природном ландшафте: скал, крупных валунов, водоёмов (рек, озер, источников), а иногда даже болот [41: 67].

Новые пограничные знаки (пограничные столбы) были установлены не ранее XIX века на одинаковом расстоянии друг от друга в стремлении сделать границу отчетливо видимой в boreальном покрове.

Несмотря на периодические попытки чётче обозначить административную тогда российско-финляндскую границу в Карелии на местности к началу XX века большая её часть снова стала малозаметной, так как на её линии выросли деревья и кустарники. Архивные источники конца 1920-х гг. сообщают о массовых несанкционированных трансграничных переходах крестьян через «изгородь», установленную вблизи некоторых участков советско-финской границы в Карелии ещё в XIX веке [5: 220].

В научных исследованиях этой границы в раннее новое время она описывается как «ситоподобная». Начиная с XIII века карелы активно участвовали в торговле с Западом, через водные пути от Ладожского озера, а также с восточного берега Ботнического залива. С XVII века разносная торговля в Финляндии обеспечивала основной источник дохода для большинства приграничного населения российской Карелии [36; 37; 38; 39]. Разница в материальном положении населения по разные стороны границы способствовала одностороннему (из России в Финляндию) трансграничному потоку типичного ассортимента разносной торговли. Жи-

тели Кемского района, например, импортировали табак, мясо, коноплю, а экспортировали меха лисы, бобра и горностая, серебро, чай и кофе [37]. Значительный объём трансграничной торговли имел решающее значение в местной жизни: даже глава Олонецкого наместничества Гаврила Державин пытался оценить его масштабы в 1860 г. [27].

Сезонность и имперский контроль (конец 1700-х — начало 1900-х гг.)

Впервые пограничный контроль и таможни вдоль этой границы были установлены в XVIII веке на шведской (с 1723 г.), а затем на российской стороне, отражая дух меркантилистской экономической политики этого периода. Первый эксперимент, однако, в создании военной цепи охраны границы, произошёл для закрытия восточной границы Швеции в 1770—1772 гг. во время так называемой «чумной цепи». Она была ликвидирована в 1772 г. после того, как из Санкт-Петербурга до Швеции дошла информация о том, что чума больше не рассматривается как угроза в России [41: 70].

В 1782 г. был издан именной указ Екатерины II «Об учреждении особой *Таможенной пограничной цепи* и стражи для отвращения потаенного провоза товаров» [34: 63]. Вскоре администрация российской Карелии в лице архангельского и олонецкого генерал-губернатора Тимофея Тутолмина запустила проект по созданию таможенной цепи вдоль всей российско-шведской границы в Карелии. Эта линия протянулась на 500 верст (около 550 км) от шведской лапландской границы до деревни Поросозеро, расположенной на стыке Выборгской и Санкт-Петербургской губерний. Создание системы эффективного пограничного контроля на местности, отличавшейся чрезвычайно сложным рельефом, стало серьезной проблемой для имперских властей, поскольку это требовало осуществления контроля не только над сухопутной линией границы, но и на многочисленных трансграничных водных путях [20: 34—52].

Территория, прилегавшая к границе с российской стороны, включала 40 озер, в то время как на финляндской стороне их число достигало 47. Озера соединялись бесчисленным числом больших и малых рек. Водные пространства и потоки из-за сложных траекторий и обилия крупных камней представляли собой сложные, а подчас и опасные трансграничные судоходные пути, традиционно использовавшиеся местным крестьянством [1: 16, 28].

Семён Анненков, активный член статистического комитета Олонецкой губернии, писал в 1886 г.:

«Ландшафт этого пограничного пространства, как правило, гористый, покрытый лесами и усеянный водно-болотными угодьями, озерами и болотами, наделяющими эту страну суровым, мрачным характером. Описать все трансграничные маршруты невозможно, так как зимой их направления через замерзшие болота и озера, полностью зависящие от решений путешественников, становятся бесчисленными [23].

В ходе претворения в жизнь вышеупомянутого проекта экономического контроля российско-шведской границы для её осмотра были проведены две последовательные экспедиции, одна из них летом, другая — в середине зимы [1: 1, 16, 33]. На основе сделанных в их ходе наблюдений были представлены соответствующие сводные доклады, где указывалось, что основной проблемой в области контроля за границей является блокирование местных наземных троп и водных путей в Швецию, и предлагались соответствующие решения [37; 1: 16].

В 1785 г., принимая постановление о непосредственном расположении цепи таможенных пунктов между «Шведским королевством и Русской Карельской губернией»,правление Оло-

нецкого наместничества склонилось к гораздо более экономному «зимнему» проекту. Этот проект предусматривал расположение средств контроля максимально приближенно к самой линии границы. В результате цепь таможен, которая была установлена в 1785—1786 гг., состояла из одного таможенного поста, двух таможенных застав и 11 пограничных страж [1: 39]. В Карелии ряд страж были оснащены лодками, а некоторые из них, расположенные в болотистых районах, действовали только зимой [1: 29—39].

Дабы избежать «ненужных расходов», администрацией наместничества было рекомендовано перекрыть лишь несколько популярных водных путей, ведущих непосредственно к границе и активно используемых местными жителями для её перехода [1: 38]. Принцип целесообразности, или «казенного интереса», стал важнейшим фактором не только в планировании учреждения таможенных пунктов, но в обеспечении системы таможенного контроля персоналом и транспортными средствами (судами). Отмечалось, что способом контроля водных путей таможенниками могли служить только лодочные инспекции [1: 23—29].

Следует подчеркнуть, что отказ местного населения соблюдать таможенные правила в пунктах пересечения границы стал широко распространенной практикой в приграничном регионе задолго до этого проекта. Таможенная станция возле села Юшкозеро Олонецкого наместничества в Северной Карелии, расположенная в 200 верстах от границы, с 1770-х гг. работала в условиях изоляции и административного бессилия малочисленного персонала. Не имея возможности заставить крестьян хоть как-то соблюдать правила и платить сборы за пересечение границы с товарами, таможенники нередко сами занимались грабежами и избиением тех незадачливых крестьян, которые не успели от них ускользнуть во время нелегальных переходов [3: 1—19].

Начальник (Zolner) этой таможни Сергей Ушаков в ответе на многочисленные жалобы крестьян на административные злоупотребления отмечал:

«в рассуждении пространства здешних границ необъемля заставами оная таможня, а паче в зимнее время снеги большие, леса глухие, а в летнее за озерами, болотами и реками всяком месте им крестьянам имеются уклонности и убежища в оном месте и потому стараются провозить свои товары сокровенно» [2: 28].

После установления цепи таможенных пунктов местные крестьяне продолжали массово нелегально пересекать границу. Летом они путешествовали по скрытым лесным тропинкам и болотам или умело маневрировали по каменистым рекам на своих деревянных лодках. Зима, с замерзанием всех озер и рек, предлагала бесчисленные удобные трансграничные маршруты на телегах, запряжённых лошадьми, а также при помощи снегоступов. Сезонность оставалась чрезвычайно важным фактором в трансграничных контактах. Иногда «водные» и «ледяные» ландшафты не только обеспечивали различные трансграничные водные маршруты, но и разделяли население соседних провинций. Например, знаменитое болото Эгиптин-Корпи, простиравшееся от провинции Куопио в Финляндии вглубь российской Карелии, в летний сезон закрывало популярное трансграничное сообщение [21]. Даже в советское время межсезонье превращало некоторые районы, прилегавшие к границе, в непроходимые территории, блокируя трансграничные пути и «закрывая» границу [14: 123].

Парадоксально, но некоторые деревни, расположенные на определённом расстоянии от границы, как, например, Свиная Гора, оставались важными пунктами для установления таможенных или пограничных постов как в нереализованных проектах конца XVIII века [1: 40], так и в несоставившихся планах советской администрации. В обоих случаях это происходило из-за недостатка финансовых и человеческих ресурсов. В результате, как свидетельствуют

Стычка с финляндскими контрабандистами.
(Худ. Чудаков Василий Григорьевич, 1826—1871)

источники, вплоть до конца 1920-х гг. подобные поселения оставались крупнейшими «контрабандными транзитными пунктами» [8: 4].

По Фридрихсгамскому мирному договору 1809 г. Великое княжество Финляндское было включено в состав Российской империи. Таким образом, вплоть до 1917 г. государственная граница в российской Карелии между Российской империей и Швецией превращалась во внутреннюю, а большинство расположенных на ней таможенных учреждений были демонтированы.

В середине XIX века на территории Беломорской Карелии функционировали только таможенные учреждения Архангельской губернии, администрация которой прикладывала, опять же безуспешные, попытки для их усиления с целью выявления и задержания бунтовщиков, революционеров, пропагандистов и других «неблагонадежных элементов» всех видов и рангов. Польское восстание 1830 г. значительно повысило имперскую озабоченность безопасностью границ в целом [5: 26; 6: 1—45].

Тем не менее, на фоне довольно противоречивого имперского законодательства о трансграничной торговле с Великим княжеством Финляндским, немногочисленные таможенные и пограничные заставы были неэффективны в сдерживании беспрепятственного потока торговцев из Восточной Карелии в Финляндию [4: 2—4]. Январский приказ 1824 г., например, строго ограничивал пересечение границы через таможенные посты, а приказ от 12 июня 1830 г. запрещал торговлю на финских ярмарках без специальных разрешений. Жители приграничных финских территорий приветствовали торговцев из Карелии, а иногда, невзирая на угрозу судебных приговоров и крупных штрафов, даже скрывали их от полиции [24]. Незаконный поток финских товаров по-прежнему значительно увеличивался зимой, когда замерзали карельские водоёмы и болота [19]. В 1898 г. управляющий Сорокской таможенной заставы Константин Дьяконов в донесениях начальнику Архангельской таможни жаловался:

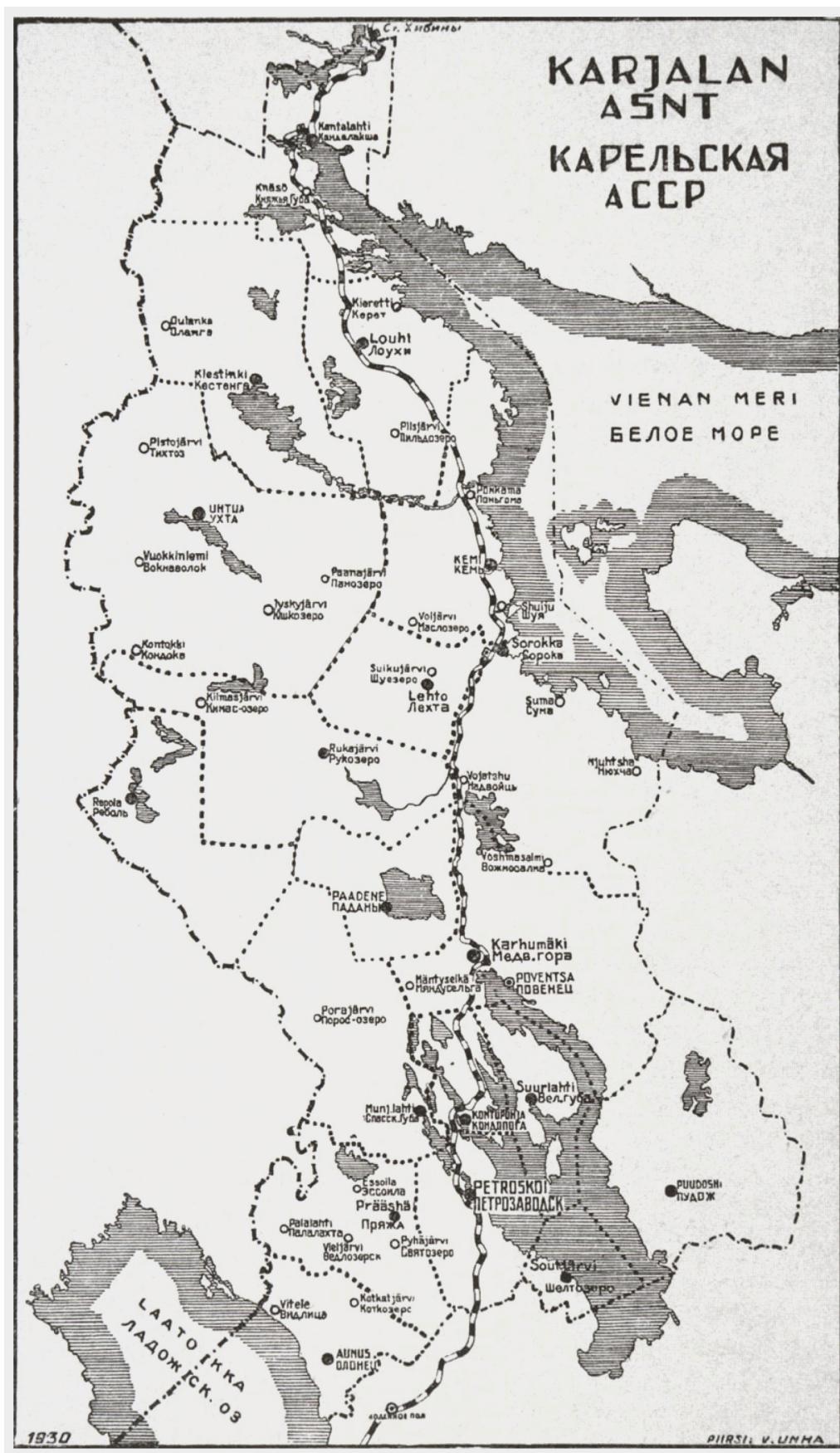
Здание Kovдинской таможенной заставы в 1911 г.
 Илл. из книги К. М. Агамироева. Одиссея надворного советника Дьяконова

«местная полиция почти никаких мер не принимает к задержанию и считает это дело второстепенным и как бы не входящим в ее обязанности, да и что может поделать один какой-либо урядник в Кореле, где вся Корела пользуется контрабандой из Финляндии». [4: 2—4].

«Освоение природы» в советском пограничном строительстве: политические перипетии, имперское наследие и нелегальные контакты

Распад Российской империи и образование Советского Союза оказали огромное влияние на концептуализацию и охрану государственных границ. Проблема защиты социалистического проекта от капиталистического окружения привела к ряду радикальных изменений в организации пограничного контроля. До революции 1917 г. Отдельный корпус пограничной стражи Российской империи контролировался Департаментом таможенных пошлин и сборов, возглавляемым чиновниками Министерства финансов. Таким образом, экономическое ведомство было ответственным и за государственные границы. После установления советской власти председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) Феликс Дзержинский провозгласил новый принцип охраны советских рубежей: «Граница — есть линия политическая и охранять её должен политический орган». Поэтому, начиная с 1920 г., охрана советской границы осуществлялась Особым отделом ВЧК, который в сентябре 1922 г. был переименован в Государственное политическое управление (ГПУ). В то же время пограничные войска СССР были переданы под эгиду НКВД [29].

Когда Финляндия в 1917 г. обрела независимость, её граница с советской Карелией протяжённостью 1245,6 км была подтверждена как граница между двумя суверенными государствами [13: 74]. Как следствие Гражданской войны, демаркационная линия была пористой, почти неохраняемой и открытой для нарушителей. В ходе вооружённой борьбы за территории Восточной Карелии в 1918—1922 гг. вдохновлённые националистической идеологией финские праворадикалы и активисты планировали объединить все финно-угорские народы Финляндии, России и Эстонии, а также расширить границы Финляндии на восток. Тысячи финских добровольцев приняли участие в военных экспедициях в российские регионы Ингрии, Карельского перешейка, Восточной Карелии, Беломорской Карелии и Печенги [28; 41].

Карельская АССР, 1930 г.

*Обыск контрабандиста.**За 1921 г. таможенная полиция произвела 239 конфискаций и 444 задержания*

Эти катастрофические события привели к крупномасштабным перемещениям населения и трансграничным миграциям [30; 28]. Согласно подсчётом исследователей, по сравнению с общей численностью населения российской Карелии в то время число беженцев составляло всего около 6%, в то время как некоторые приграничные приходы покинуло до 80—90% населения. В течение 1920-х гг. от 6000 до 8000 карелов вернулись домой, в то время как около 5000 остались в Финляндии [35: 137—138]. Создание в 1920 г. национальной советской республики: Карельской Трудовой Коммуны, позднее Карельской Автономной Советской Социалистической Республики по соседству с «буржуазной» Финляндией открыло новую страницу в истории этой северной границы.

Как и во многих ранних советских проектах государственного строительства, для установления эффективного контроля границы в российской Карелии не хватало человеческих и финансовых ресурсов. К марта 1927 г. в ГПУ Карельской АССР насчитывалось всего 1805 пограничников, при этом 90% из них составляли крестьяне с 520 лошадьми в качестве единственного средства передвижения [13: 78]. Это было почти в пять раз меньше, чем изначально предлагалось несколькими годами ранее советским руководством для обеспечения безопасности данного пограничного региона [19: 147, 149—150]. В описаниях проблем, связанных с охраной границы, составленных пограничной стражей ГПУ и советскими таможенными администраторами на протяжении 1920-х гг., регулярно подчеркивались её чрезвычайная протяжённость, суровые климатические условия и пересечённая местность. Последняя включала в себя многочисленные водные преграды, болота и труднопроходимые леса [13: 78]. К 1927 г. сама линия границы всё ещё оставалась невидимой, скрытой под покровом густого леса. [13: 74].

Необходимость регулярных инспекций пограничных учреждений оставалась серьёзной проблемой для советских чиновников.

В 1920-х гг. большинство таможенных учреждений и пунктов пограничной охраны располагались в отдалённых приграничных деревнях. Зимние досмотры осуществлялись верхом по замёрзшим рекам и озёрам, следя сложной системе водного и частично сухопутного сообщения вдоль границы [16: 83]. В 1922 г., несмотря на свою протяжённость, карельская часть

*Одна из первых пограничных застав.
(<https://www.vestarchive.ru/images/stories/ter1.jpg>)*

советско-финляндской границы включала лишь девять таможенных застав, штат которых не превышал двух-четырёх таможенников, а также таможню в Петрозаводске [15: 97].

Принципы расположения таможенных учреждений вдоль сухопутной границы с Финляндией во многом дублировали имперский проект, оставляя длинные участки границы совершенно неохраняемыми, предоставляя многочисленные возможности для её несанкционированных пересечений. Таким образом, переход к политическому администрированию границы в начале 1920-х гг. был скорее бюрократическим сдвигом, нежели реальным прогрессом в сфере пограничного контроля.

На протяжении 1920-х гг. советские администраторы сообщали, что контроль за незаконным пересечением границы и борьба с контрабандой значительно затруднялись из-за существования множества лесных и водных трансграничных маршрутов, которые благодаря сезонным трансформациям позволяли местным жителям регулярно менять пути прохода через границу [12: 65].

В 1920-х гг. контрабанда стала необходимым условием выживания местных сообществ. Жители приграничных районов по-прежнему незаконно торговали продовольствием, одеждой, краской, кожей, упряжью и сельскохозяйственными орудиями из Финляндии в обмен на местные меха и 40-градусную водку [12: 69]. В 1927 г. по данным ГПУ АКССР, все жители приграничных деревень в определенных районах, включая подростков, так или иначе занимались контрабандой [12: 3]. Контрабандные товары, приобретённые на хуторах, расположенных вдоль границы с финляндской стороны, затем перемещались через не охраняемые её участки; зимой вообще беспрепятственно перевозилась на повозках или санях [10: 14; 11: 17].

Контрмеры против контрабандистов на пограничных постах по-прежнему ограничивались «периодическими рейдами пограничных патрулей, планированием засад вдоль наиболее вероятных незаконных маршрутов пересечения границы, периодическими обысками в домах подозреваемых, или на основании разведывательных данных, предоставленных информаторами» [13: 79]. Большинство арестов за контрабанду производилось по сообщениям местных информаторов [7: 281]. Как и в имперский период, подавляющая часть конфискованной контрабанды обнаруживалась в деревнях, где хранились поставки. Контрабандисты терпели неудачу чаще всего после того, как они пересекали границу, прибывая из Финляндии, поскольку шансы быть перехваченными ГПУ увеличивались вдоль трактовых дорог, ведущих от границы к деревням [9: 22].

Общая стоимость контрабанды, конфискованной вдоль карельской границы, по сравнению с морскими районами Мурманска и Карельского перешейка была незначительной [13: 79]. Этот факт объясняется бедностью карельского населения по обе стороны протяженной и отдалённой от центров советско-финляндской границы на фоне проблематичных климатических условий и отсутствия трансграничной инфраструктуры, где спрос на контрабандные товары ограничивался товарами личного потребления, сельскохозяйственными орудиями и продуктами питания.

Помимо этого, сами пограничники и таможенники нередко теряли моральный дух или заболевали, поскольку страдали от суровых климатических условий и изоляции, что усугублялось к тому же частыми задержками поставок продовольствия и товаров к местам их службы, а также плохими жизненными и жилищными условиями [13: 55]. Нередко пограничники проживали в переполненных крестьянских домах, а иногда и в избушках контрабандистов, и занимались практиками, нарушавшими и подрывавшими их прямые обязанности. Например, они способствовали или игнорировали контрабандные операции, и даже трудились в качестве сезонных рабочих у местных крестьян.

На протяжении 1920-х гг., в то время как призывы советского правительства, а также местного таможенного руководства к усилению борьбы с контрабандой становились всё более настойчивыми, многие карельские таможенники и пограничники по-прежнему не желали серьезно относиться к этой проблеме и предпочитали отправлять поддельные или пустые отчеты, отрицавшие существование контрабандной торговли на местах их службы [17: 12].

В крупномасштабном планировании трансграничных операций представители советской власти нередко недооценивали влияние сурового климата и проблематичной местности. Например, проведение репатриации карельских беженцев в ходе амнистии 1923 г., позволившей им вернуться в Советский Союз из Финляндии, в значительной степени игнорировало местные условия в пользу советских стратегических соображений. Вместо реализации первоначальных планов организации перемещения беженцев через Белоостровский пограничный пункт и таможни на Карельском перешейке, было решено использовать северокарельские пограничные маршруты, которые находились ближе к прежним местам проживания бежен-

Красноармейцы и командиры ГУПВО ОГПУ (НКВД). 1-я пол. 30-х гг.

цев. Однако пограничная структура этих районов не была подготовлена к большому притоку репатриантов, особенно та, что создавалась с нуля специально для их пропуска. В результате процесс возвращения через некоторые пропускные пункты превращался в пытку как для самих репатриантов, так и для пограничников и таможенников. В 1924 г. на временном таможенном посту в Оланге большие группы из 30-40 беженцев вынуждены были ждать своей очереди на границе в течение нескольких дней в морозную погоду, без возможности оказания им медицинской помощи. Репатриация создала тяжелую физическую и психологическую нагрузку не только для беженцев, но и для таможенников и пограничников, также жаловавшихся на невыносимые условия. [18: 10—17].

В конце 1920-х гг. новая экономическая политика исчерпала себя, постепенно сменяясь сталинской командной экономикой. Это повлекло за собой ужесточение мер пограничной безопасности, ликвидацию большинства таможенных учреждений вдоль российско-финляндской границы и значительное увеличение числа пограничников. В целом численность советских пограничных войск увеличилась с 70822 чел. в декабре 1932 г. до 86559 чел. в августе 1937 г. [29].

В течение следующего десятилетия советские приграничные районы стали плацдармом для массовых репрессивных операций, направленных на «зачистку» пограничных зон в рамках широкой военно-мобилизационной стратегии подготовки к грядущей войне [26; 28; 35]. В результате во второй половине 1930-х гг. на приграничном пространстве остались лишь контрразведчики, зачастую знавшие друг друга в лицо [26].

Тем не менее, до 1930-х гг. географические и климатические характеристики пограничной полосы оставались важнейшим фактором, влиявшим на её операционные модальности, специфику нелегальных трансграничных экономических контактов и попытки контроля со стороны властей. Они способствовали созданию уникального пограничного режима, в котором государственная власть была распылена, а правила пограничного контроля были заменены практикой выживания всеми, кто участвовал в создании проекта «советской границы», включая пограничников, таможенников и местное население. Несмотря на совершенно новую, «политизированную» концепцию пограничной охраны, на фоне скучных ресурсов, которыми они располагали, советские пограничники в течение первого десятилетия существования Советской власти зачастую полагались на дореволюционные практики в пограничном контроле, создавая тем самым эффект преемственности имперского наследия.

Таким образом, можно сделать вывод, что вплоть до 1930-х гг. роль природного ландшафта в установлении пограничного контроля на северо-западных российских рубежах была ярко выражена по той причине, что уникальные практики установления и поддержания трансграничных контактов местного населения сочетались с недостаточной информированностью и не соответствующим финансированием для претворения в жизнь государственных проектов контроля над границами. Местные жители приграничных регионов хорошо осознавали преимущества, которые появлялись с сезонными трансформациями приграничного природного ландшафта и использовали их для максимально быстрого и беспрепятственного пересечения границы. В то время как административные пограничные инспекции были сопряжены со столь серьёзными трудностями, что их результаты редко включали в себя детальное описание ландшафтных условий и их сезонных изменений. Помимо этого, как российские имперские, так и советские администраторы неизбежно склонялись к наиболее бюджетным вариантам установления пограничного контроля, зачастую игнорируя результаты пограничных инспекций. При этом они подчас не принимали в расчет широкие возможности, которые местная окружающая среда и природный ландшафт предоставляли местному населению для

участия в незаконной трансграничной торговле в качестве основного источника средств к существованию вдоль обширных границ империи.

Сегодня российские приграничные регионы, включая Карелию, по-прежнему представляют собой своего рода «цивилизационный водораздел» между «Востоком» и «Западом». Их границы вызывают значительную тревогу в межгосударственных отношениях. В качестве примера стоит упомянуть интерпретацию «эпизода арктического маршрута» в 2015—2016 гг., известного под названием “гибридной войны”, когда массовые трансграничные миграции беженцев в Северную Норвегию и Финляндию через границу Российской Федерации привели к значительному росту международной напряженности и тревоги по поводу пограничной безопасности со стороны финляндского правительства [43: 518—533]. Проблемы, возникшие на границе во время этих инцидентов, и их резонанс для международной политики и межгосударственных отношений ещё раз доказали, что концепция пограничного контроля более эфемерна, чем мы привыкли думать, и важные уроки из европейской истории начала двадцатого века имеют решающее значение для понимания проблем, связанных с безопасностью современных границ.

Источники и литература

Неопубликованные источники:

1. Дело о поездке чиновников Скорнякова и Эмина, землемера Башмакова и переводчика с карельского языка сержанта Луки Михайлова для обозрения, описания и снятия на план по инструменту российско-шведской границы (20.12.1784—07.07.1785) // Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 2 (Олонецкое губернское правление). Оп. 61. Д. 1/12.
2. Дело о тайном провозе товаров без уплаты таможенных пошлин (15.06.—11.11.1776) // НАРК. Ф. 652 (Канцелярия пригорода Паданска). Оп. 3. Д. 5.
3. Дело о соблюдении жителями Паданской округи таможенного законодательства (переписка с Юшкозерской таможней, рапорты крестьян, обязательства старост, десятских и крестьян (22.12.1775—17.10.1776) // НАРК. Оп. 4. Д. 2/23.
4. Донесение управляющего Сорокской таможенной заставой К. А. Дьяконова управляющему Архангельской таможней о состоянии контрабандного ввоза товаров и необходимости учреждения таможенного органа на границе с Великим Княжеством Финляндским (26.05.1898) // НАРК. Ф. 277: Сорокская таможенная застава Архангельской таможни (1869—1919). Оп. 1. Д. 30/23.
5. Циркуляры и секретные бумаги в Кемскую дистанцию от начальника Архангельского таможенного округа (1854—1855) // НАРК. Ф. 589 (Надзиратель пограничной стражи Кемской дистанции, 1854—1856). Оп. 1. Д. 1/1.
6. Циркуляры министерства финансов (11.01.1856—09.12.1856) // НАРК. Ф. 589. Оп. 1. Д. 1/2.
7. Дело по обвинению в контрабанде граждан Тулмозерской волости дер. Луккалы и Саргоры (28.10.1926—07.12.1927) // НАРК. Ф. Р-382 (Петрозаводская таможня Карельского районного таможенного инспекторского управления). Оп. 4. Д. 25/568.
8. Дело по обвинению в контрабанде граждан Поросозерской волости дер. Ключина Гора и той же волости дер. Свиная Гора ([01].03.1924—[31].07.1924) // НАРК. Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 21/466.
9. Дело по обвинению в контрабанде граждан Олонецкого уезда (04.07.1925—25.09.1928) // НАРК. Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 24/539.
10. Дело по обвинению в контрабанде граждан Ухтинского уезда дер. Кирозеро (31.07.1926—28.12.1928) // НАРК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 1/3.

11. Приказы по таможне и переписка с ГПУ АКССР по личному составу, списки сотрудников и лиц, занимающихся контрабандой // НАРК. Ф. Р-378 (Кемский таможенный пост, 1915—1935). Оп. 1. Д. 1/7.
12. Секретная переписка Кемской таможни (21.01.1927—19.12.1927) // НАРК. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 3.
13. Доклад о состоянии охраны границы с Финляндией. Выписки из протоколов СНК; переписка с ГПУ КАССР о карбаженцах, о расквартировании частей погранохраны ([01].07.1926—[30].11.1927) // НАРК. Ф. Р-690 (Совет народных комиссаров АКССР, 1922—1934). Оп. 1. Д. 27.
14. Недельные информационные сводки ГПУ Карельской АССР за 1924—1925 гг. // НАРК. Ф. Р-689 (Президиум Верховного Совета РК, 1921—1994). Оп. 1. Д. 8/81.
15. Циркуляры, приказы там[оженного] управления и там[оженного] участка и прочие руководящие распоряжения (1922) // НАРК. Ф. Р-544 (Туливаарский таможенный пост, 1921—1931). Оп. 1. Д. 1/3.
16. Циркуляры Туливаарскому таможенному посту (1926) // НАРК. Ф. Р-544. Оп. 1. Д. 4/68.
17. Циркуляры и прочие распоряжения секретного характера там[оженного] поста Туливаара (1923) // НАРК. Ф. Р-544. Оп. 3. Д. 1/6.
18. Рапорты там[оженного] поста Оланга (1924) // НАРК. Ф. Р-380 (Олангский временный таможенный пост, 1924—1924). Оп. 1. Д. 1/1.
19. Материалы о привлечении войск внутренней охраны и частей Красной Армии к содействию в работе таможенным учреждениям НКВТ: проект постановления, протоколы заседаний, объяснительная записка, положение, справка, переписка ([01].05.1919—[31].12.1920) // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413 (Министерство внешней торговли СССР). Оп. 14. Д. 7.

Литература:

20. Агамирзоев К. М. Неизвестные страницы таможенного дела на Северо-Западе России и в Карелии в 1918—1945 годах: Историко-правовой очерк. Костомукша: ООО РИЦ «Вяйнола», 2003.
21. Агамирзоев К. М. Одиссея надворного советника Дьяконова. Костомукша: Костомукша-Медиа, 2019.
22. Агамирзоев К. М. Противостояние Юшкозерской таможни и крестьян-коробейников во второй половине XVIII века // Россия в меняющемся мире: вызовы и возможности. Сборник научно-практической конференции с международным участием «Таможенные чтения — 2012». № 1. С. 99—110.
23. Анненков С. Топографическо-статистическое описание пограничной черты Петрозаводского и Повенецкого уездов с Финляндией // Олонецкий сборник: Материалы по истории, географии, статистике и этнографии Олонецкого района. 1886. № 2.
24. Базегский Д. Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX — начале XX века. Диссертация. Петрозаводск, 1998.
25. Воронина П. Карельские беженцы в Ухтинском уезде: региональный аспект (1920-е гг.) // CARELICA: научный электронный журнал. 2021. № 1(25). URL: <http://carelica.petrsu.ru/CARELICA/Journal.html>
26. Лайдинен Е. Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914 — 1939) / Е. Лайдинен, С. Ветригин. Петрозаводск: Verso, 2013.
27. Записки Гавриила Романовича Державина. 1743—1812 / с литературными и историческими примечаниями П. И. Бартенева. Москва: Русская беседа, 1862.
28. Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства. 1920—1941 / Ю. М. Килин. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1999.
29. Зырянов П. И. (ред.) Пограничные войска СССР. 1918—1928: Сборник документов и материалов / ред. П. И. Зырянов. Москва: Наука, 1973.
30. Репухова О. Ю. Репатриация беженцев в Карелии в 1920-х годах в контексте мобилизационной подготовки // В мире научных открытий. Краснодар. 2015. № 7.9. С. 3243—3253.

31. *Репухова О. Ю. Пограничный режим в Карелии в 1920—1930 х годах*. Петрозаводск: Изд-во ПетГУ, 2017.
 32. *Рупасов А. Советско-финляндская граница: Очерки истории. 1918—1938* / А. Рупасов, А. Чистиков. Санкт-Петербург: Аврора, 2007.
 33. *Селин А. Русско-шведская граница: 1617—1700 гг. Формирование, функционирование, наследие*. Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2016.
 34. *Семенов А. Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г*. Санкт-Петербург: Типография И. Глазунова и компании, 1859.
 35. *Такала И. Р. «Граница на замке!» Особенности государственного террора в Карельском приграничье 1920-х — первой половине 1930-х гг*. // *Revue D' Histoire Nordique*. 2016. № 19. Р. 103—127.
 36. *Чернякова И. А. Карельское приграничье в XVII—XIX веках* / Ирина Чернякова // Трансформация и интеграция: карельская периферия в Российской империи. Санкт-Петербург: Наука, 2021. С. 303—382.
 37. *Чернякова И. А. (Не)известная карта, как источник о состоянии российско-шведской границы в конце XVIII века* / И. А. Чернякова, О. В. Черняков // Россия и страны Северной Европы: физические и символические границы / Сборник статей Киркинесского международного семинара историков. Петрозаводск, 2016. С. 34—52.
 38. *Katajala K. Imagined, Negotiated, Remembered: Constructing European Borders and Borderlands* / K. Katajala. LIT Verlag Münster, 2012.
 39. *Katajala K. Cross-Border Trade in Karelia from the Middle Ages to the October Revolution 1917* / K. Katajala // *The Flexible Frontier: Change and Continuity Finnish-Russian Relations* / Ed. by M. Lähteenmäki. Helsinki: University of Helsinki, 2007. P. 70—87.
 40. *Katajala K. Line, Zone or Sieve? Conceptualizing the 1617 Russo-Swedish Border* / K. Katajala // *Nordic and Baltic Studies Review*. 2017. № 2. P. 177—190.
 41. *Kokkonen J. Searching Back the Old Border: The Border between Russia and Sweden in the Early Modern Period* / J. Kokkonen // *Труды Карельского Научного Центра РАН*. 2011. № 6. С. 66—71.
 42. *Mainio A. The Fight for the Russian Empire: Finland and White Russian Combat Organizations, 1917—1939* / A. Mainio // *Ab Imperio*. 2019. No. 2. P. 289—309.
 43. *Piipponen M. Virkkinen J. Asylum Seekers and Security at the Northern Finnish-Russian Border: Analyzing the “Arctic Route Episode” of 2015—2016* / M. Piipponen, J. Virkkinen // *RUDN Journal of Economiss*. 2017. No. 4. P. 518—533.
 44. *Tolstikov A. From Mezha and Rân to Rubezh and Gränsen: Conceptualizing the Russo-Swedish Border in the Late Middle Ages and Early Modern Period* / A. Tolstikov // *Revue D' Histoire Nordique*. 2014. № 19. P. 31—55.

Oksana E. Ermolaeva

Petrozavodsk State University

Institute of History, Political and Social Sciences

Associate Professor of the Department of Russian History

NATURAL LANDSCAPE IN THE CREATION OF THE INTERNATIONAL BORDER IN RUSSIAN KARELIA (XVII – EARLY XX CENTURY)

Abstract:

Over the centuries, attempts to delimit and maintain a clearly marked and stable state border in the region of Russian Karelia have been fraught with many problems. One of such problems in border construction was the necessity to take into account landscape and climatic features of the natural zone, which invariably influenced border demarcation and organization of its control. The present article analyses the continuity in the organization of border control under the influence of the natural environment from the Russian Empire to the Soviet Union on the basis of archival documents, mainly from the National Archives of the Republic of Karelia. The author compares the importance given to the natural-climatic conditions in the projects on creation and maintenance of border control in the Karelian territory in Russia during the Imperial and early Soviet periods until the end of the 1920s.

Key words: Karelia; natural landscape; environment; state border; border control; cross-border contacts